

Rech. 1913, November 26, p. 6.

Речь. 1913, 26 ноября, с. 6.

Theatre and Music.

3rd Non-Subscription Concert of Ziloti.

The hero of this concert was one of the most popular contemporary Russian composers, Mr. Rachmaninoff. The entire program consisted of his works, performed by him. The public greeted their long-time favourite with enthusiasm. At his first appearance on the stage, Mr. Rachmaninoff was showered with flowers (several young ladies in the choir very diligently performed this botanical introduction to the concert). The unbearably vulgar G minor prelude played at the conclusion of the concert provoked a "storm of applause," to tame which Mr. Rachmaninoff had to play many things off the program. Should one be upset or happy about the fact that once again one had to be convinced of the ardent sympathy of the general public for Rachmaninoff's work? In essence, there is no reason to indulge in either one of these feelings. One can be upset when the audience is delighted with the gypsy music. One can be happy when one notices growing interest in Bach, Beethoven, Reger, Debussy, Scriabin, and Stravinsky. But the public, applauding Rachmaninoff, thereby reveals neither the extreme lows nor the extreme heights of taste to which its individual strata are capable of falling and rising.

Rachmaninoff's music satisfies, so to speak, the "arithmetic mean" of the general public's taste. The public adores him because his music strikes the precise chord of the average layperson's musical preference; there is nothing joyful, regrettable, or surprising about this fact of adulation. What is regrettable is something else. It is disheartening that

Rachmaninoff's extraordinary musical gift always moves along a line tangential to art—merely grazing its sphere without ever penetrating its interior. Rachmaninoff's early work, the "Élégie" (Op. 3), is banal and cloying. The "Barcarolle" (Op. 10)—despite the elegance of the figurations weaving around its main theme—is, in essence, a thoroughly superficial salon piece.

In the 'Etudes' and 'Preludes' there are some curious details (of the 'Etudes', Op. 33, the best is C sharp minor with an interesting, fast, trill-like alternation of major and minor; of the 'Preludes', Op. 32, the best is G sharp minor), but the overall style of the writing remains salon. The pomp and elegance of the external decoration with the insignificance of the internal content is a characteristic feature of most of Rachmaninoff's piano works. They are terribly sincere." Everywhere one feels a living "experience" of some, mostly very pathetic, emotions.

But these experiences are crude, primitive, petty, and affected (what a strange psychological riddle: Scriabin is extremely prone to affectations. It often seems that he does not so much directly experience certain musical and artistic emotions, as by a terrible effort of will he winds himself up to their illusory experience. And yet his affectation gives the impression of absolute sincerity and power. On the contrary, Rachmaninoff's music is saturated with "soul", palette, the most sincere "experiences", and despite this, it seems so full of pretentiousness, stiltedness and affectations that one is compelled to place "the soulfulness" of this music in quotation marks).

The comparatively most successful numbers on the program were the skilful piano arrangement of the romance "Lilacs" (for all its complexity, "Lilacs" should be considered the best of all the things Rachmaninoff ever wrote; in its original, romance version it sounds more poetic than in the form of a piano piece) and a new sonata.

It contains no profound or compelling ideas. Outward pianistic virtuosity and grandiosity clearly predominate over the music's substance. The latter, however, is not entirely devoid of fresh harmonies and counterpoint—elements rather unusual for Rachmaninoff. In certain

episodes of the middle section, the composer displays remarkable inventiveness in variation. It is interesting to note that the audience received this sonata—which, in terms of the seriousness of its musical intent, stands far above all of Rachmaninoff's elegies, barcarolles, and preludes—with marked restraint.

Rachmaninoff's music sometimes lacks penetration, expressive depth, and inner nobility; it is not without that same affectation that makes itself so unpleasantly felt in many of Rachmaninoff's works. And yet, Rachmaninoff the pianist must undoubtedly be ranked among the first-class Russian artists. In his performance, the technical moment is always closely linked to the artistic plan. Rachmaninoff has a great technique. The artistic composition is bright and vivid. Their friendly union ensures Rachmaninoff, as a pianist, constant success in all musical fields, regardless of his style or direction.

Karatygin.

[Translation: Google]

Театр и Музыка.

3-й Внѣбонементный Концертъ Зилоти.

Героемъ этого концерта былъ одинъ изъ популярнѣйшихъ современныхъ русскихъ композиторовъ, г. Рахманиновъ. Вся программа состояла изъ его сочиненій въ его же исполненіи. Публика встрѣтила своего давнишняго любимца восторженно. При первомъ выходѣ на эстраду г. Рахманиновъ былъ осыпанъ цвѣтами (нѣсколько барышень на хорахъ очень усердно исполняли эту ботаническую интродукцію къ концерту). Сыгранный въ заключеніе концерта невыносимо-вульгарный прелюдъ g-moll вызвалъ «бурю аппло-дисментсвъ», для укрощенія которой г. Рахманиновъ долженъ былъ сыграть много вещей сверхъ программы. Огорчаться или радоваться слѣдуетъ по случаю того, что лиш-ній разъ пришлось убѣдиться въ пламенныхъ симпатіяхъ широкой публики къ творчеству Рахманинова? Въ сущности, ни тѣмъ, ни другимъ чувствамъ предаваться нѣтъ основаній. Можно огорчаться, когда публика восторгается цыганщиной. Можно радовать-ся, когда замѣчаешь, что въ публикѣ растетъ интересъ къ Баху, Бетховену, Регеру, Дебюсси, Скрябину, Стравинскому. Но публика, рукоплещущая Рахманинову, тѣмъ самымъ не обнаруживаетъ ни крайнихъ низинъ, ни предѣльныхъ высотъ вкуса, до которыхъ способны падать и подниматься отдѣльные ея слои.

Музыка Рахманинова отвѣчаетъ, такъ сказать, ариѳметически-среднему вку-совому критерию широкой публики. Она пре-клоняется передъ нимъ потому, что Рахманиновъ своей музыкой попалъ какъ разъ въ точку средняго обывательскаго музыкальна-го вкуса; и въ этомъ фактѣ преклоненія нѣтъ ничего ни радостнаго, ни огорчитель-наго, ни удивительнаго. Огорчительно другое. Обидно то, что незаурядное музыкальное дарованіе Рахманинова всегда движется по какой-то касательной къ искусству линіи, только задѣваетъ его сферу, никогда не проникая внутрь ея. Ранняя вещь Рахманинова «Элегія» (ор. 3) банальна и притор-на. «Баркарола» (ор. 10) при всемъ изяще-ствѣ фигуративныхъ узоровъ, оплетающихъ ея главную тему, по существу совершенно поверхностная, салонная пьеса.

Въ «Этю-дахъ» и «Прелюдахъ» встрѣчаются кое-какія любопытныя детали (изъ этюдовъ ор. 33 лучший cis-moll съ интереснымъ, быст-рымъ, на подобіе трели, чередованіемъ ма-жора и минора; изъ «Прелюдъ» ор. 32 лучше другихъ gis-moll), но общій стиль письма остается салоннымъ. Пышность и нарядность внѣшней отдѣлки при ничтожествѣ внутренняго содержанія-характерная черта, большинства фортепіанныхъ произве-деній Рахманинова. Они страшно искренни». Вездѣ

чувствуется живое «переживание» некоторых большей частью сильно-патетических эмоций.

Но они грубы, примитивны, мелки, аффектированы эти переживания (какая странная психологическая загадка: Скрябин чрезвычайно склонен к аффектации. Часто кажется, что он не столько непосредственно переживает известные музыкально-художественные эмоции, сколько страшным усилием воли взвинчивает себя на иллюзорное их переживание. И все же его аффектация дает впечатление опрометной искренности и силы. Наоборот, музыка Рахманинова насыщена «душой», палеткой, наискреннейшими «переживаниями», и несмотря на это, кажется до того исполненной претенциозности, ходульности и аффектации, что приходится «задушевность» этой музыки заключать в кавычки).

Сравнительно наиболее удачными номерами программы были искусственная фортепианная аранжировка романса «Сирень» (при всей своей запытости, «Сирень» должна почитаться самой лучшей из всех доныне написанных Рахманиновым вещей, в оригинальной, романсовой редакции она звучит поэтичнее, нежели в виде фортепианной пьесы) и новая соната.

Интересных и глубоких мыслей в ней нет. Внешняя пианистическая виртуозность и парадность явно преобладают над содержательностью музыки. Последняя, однако, не вовсе лишена свежих, довольно необычных для Рахманинова гармоний и контрапунктов. В отдельных эпизодах средней части автор выражает отменную вариационную изобретательность. Любопытно отметить, что эту сонату, стоящую по серьезности музыкальных шафрений во всяком случае гораздо выше всех рахманиновских элегий, баркарол и прелюд, публика встретила крайне сдержанно.

Ипръ Рахманинова иногда не хватает проникновенности, экспрессивной глубины, внутреннего благородства; ей не чужда та же аффектированность, которая дает себя так неприятно чувствовать во многих сочинениях Рахманинова. И все же Рахманинов-пианист бесспорно должен быть отнесен к числу первоклассных отечественных артистов. В его исполнении технический момент всегда тсно связан с художественным планом. Техника у Рахманинова большая. Художественная композиция яркая, рельефная. Их дружный союз обеспечивает Рахманинову, как пианисту, неизменный успех у всех музыкантов без различия шарт и направлений. Каратыгинъ.